

УДК 811.161.1
ББК 81.2Р

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ОСМЫСЛЕНИИ ГЕНЕЗИСА ЯЗЫКА

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

В статье рассматриваются особенности метафорического осмысления истории и генезиса русского языка, обусловленные как влиянием на его судьбу старославянского языка, так и феноменом самого языка, неразрывно связанного с человеком и историей народа. Сложность формирования русского литературного языка определяет использование в классических трудах и современных работах исследователей антропоморфной метафоры.

Ключевые слова: *генезис русского литературного языка, антропоморфная метафора, профессиональная коммуникация, профессиональная языковая личность.*

Язык в своей системной целостности как ускользающий объект исследования, не расчлененный на отдельные, безусловно, «бездушные» составляющие и фрагменты, воспринимается как особый организм, переживающий определенные этапы своего существования — зарождение, развитие и стадию утраты. Все это провоцирует рассмотрение языка как живого организма или его описание в витальных метафорах, особенно в том случае, если речь идет о генезисе и истории языка, то есть жизни языка. При этом, как отмечал Н. С. Трубецкой, «получается очень сложная картина жизни языка. Объять всю эту картину почти невозможно, и поневоле приходится ограничиваться только рассмотрением отдельных ее частей» [11. С. 123]. О том, что каждый из исследователей может держать в голове только «небольшой обломок целого», который дает ему возможность создать «менее или более точную картину языковой жизни вообще» [2. С. 206], писал и А. И. Бодуэн де Куртэнэ.

В результате так живописно и «чувственно воспринимаемые абстракции» [4. С. 46] представляются в широком ассоциативном диапазоне, в котором языку чаще всего приписывается семантика жизни органического мира, где «низший» уровень приходится на биоморфную метафору, одна из которых была развернута Н. С. Трубецким в его работе «Общеславянский элемент в русской культуре», где древнеболгарско-церковнославянский язык рассматривается как «плодоносная лоза» «старославянской литературно-языковой традиции», ставшая «мощным орудием прививки византийской духовной культуры к славянскому племени» [11. С. 127–128]. Наиболее значимы по-

следствия такого «селекционного» действия в современном русском литературном языке, который «получился в результате прививки старого культурного “садового растения” — церковнославянского языка к “дичку” разговорного языка правящих классов русского государства» [11. С. 135]. Однако первым данную метафору использовал В. И. Даль, описывая «неудачную прививку разнородного семени» и «прищепу на чужом корню» «петровских времен» [5. С. XXI–XXII]. Впоследствии мысль о дичке и «благородном привое» была развита Н. А. Мещерским (правда, без ссылок на Н. С. Трубецкого), который подробно описывает действия «опытного садовника» с подвоем и привоем и определяет итог — «веточка благородной яблони сростается с дичком в едином организме, и дерево становится способным давать драгоценные плоды» [7. С. 40]. Так же метафорически, ссылаясь на Н. А. Мещерского, склонен осмыслять проблему образования русского литературного языка А. М. Камчатнов [6].

Однако описанию языка более свойственна антропоморфная метафора, поскольку язык неразрывно связан с человеком, а его жизнь — с историей народа. Об этом со всей определенностью писал еще И. И. Срезневский, определяя специфику взаимодействия литературного и народного языков: «жизнь языка в книге возможна только потому, что есть или была жизнь в народе» [10. С. 38]. Вследствие этого историки языка приписывают функционированию языка все жизненные циклы человека. У русского литературного языка древнее «родословие» (Н. С. Трубецкой), его «родоначальником» признается церковнославянский язык (А. А. Шахматов), который дал ему «обра-

зование» (М. А. Максимович); книжный язык — «непосредственный наследник» общеславянского языка (Н. С. Трубецкой), а народный язык живет «более богатою жизнью, но зато более связанной с мелочами жизни» (И. И. Срезневский), «народный и литературный языки в среде одного и того же национального организма» могут вступать в «сожительство» (Н. С. Трубецкой) и пр.

Важной представляется гендерная принадлежность языка — отсюда и восприятие нежелательных последствий, лишаящих язык активного, жизненного начала. В частности, Н. С. Трубецкой пишет о том, что отказ от «общеславянского элемента», «носителем которого является церковнославянская стихия», «равносителен добровольному самооскоплению» [12. С. 117, 125–126]. Следует отметить, что В. И. Даль также антропоморфно осмысливал состояние «нынешнего языка нашего, каженика», под которым имел в виду «образованную речь» без сокровищницы народной речи [5. С. XXII].

Понятие «жизни» языка обуславливает и восприятие ее как судьбы — сугубо человеческого бытия. Впервые история русского литературного языка как судьба была поэтически осмыслена А. С. Пушкиным: «Как материал словесности язык славянорусский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими. Судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI в. древнегреческий язык открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе *заемлет* он гибкость и правильность» [9. С. 136–137]. В представлении А. С. Пушкиным начала истории русского литературного языка отчетливо прослеживается мысль о счастливой судьбе через «усыновление», «дарование» и «избавление» (но не подмене языков, как представляется и сейчас некоторым ученым

[1]), отсюда и уникальные качества языка, в том числе «переимчивость и общежительность», в отличие от наиболее приоритетного в пушкинскую эпоху французского языка, «столь осторожного в своих привычках, столь пристрастного к своим преданиям, столь неприязненного к языкам, даже единоплеменным» [9. С. 405]. Абсолютная поэтическая антропоморфность языка у А. С. Пушкина перекликается с классическими трудами по истории русского языка, ср., например, высказывание Ф. И. Буслаева: «Русский язык обладает особенно силою претворять в свою собственность все, что ни входит в него извне» [3. С. 79].

Мотив судьбы становится настолько важным в освещении «узловых вопросов русского литературного языка», что выносится в заглавие монографии Ф. П. Филина, который также не мог обойтись без метафорического осмысления отношений древнейшего литературно-письменного языка славян и русского языка, который «ассимилировал и растворил в своем составе иноязычные элементы» [13. С. 5], что полностью укладывается в понятия «успевший заглушить и затереть южнославянскую стихию» [14. С. 62], «поглотил за 1000 лет» [15. С. 125] и пр.

Таким образом, основной антропоцентрический принцип тропеических механизмов — «человек — мера всех вещей» — в полной мере коррелирует с пониманием того, что язык — мерило человека. Отсюда и бодуэновское «человечение языка», связанное с «подлинным человеком», отделившимся и от «остального животного мира», и от предшествующего ему существа [2. С. 259], а следовательно, все языковые изменения «можно определить как постепенное человечение языка» [2. С. 263]. Как писал А. А. Потебня, «язык есть средство понимать самого себя» [8. С. 119], и в этом понимании себя через язык происходит осмысление языка через себя, поэтому очеловечивание языка, особенно его феномена в целом, в том числе и его генезиса, становится естественным метафорическим описанием жизни языка.

Список литературы

1. Бекасова, Е. Н. А. С. Пушкин о проблемах русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // XXVII Пушкинские чтения. 19 октября 2011 г. : сб. науч. докл. — М., 2011. — С. 173–179.
2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. 1. — 384 с.
3. Буслаев, Ф. И. Сочинения Ф. И. Буслаева / Ф. И. Буслаев. — СПб., 1908. — Т. 1. — 552 с.
4. Гусев, С. С. Взаимодействие познавательных процессов в научном и техническом творчестве / С. С. Гусев. — Л., 1989. — 127 с.

5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М., 2000. — Т. 1. — 699 с.
6. Камчатнов, А. М. История русского литературного языка : XI — первая половина XIX века / А. М. Камчатнов. — М., 2005. — 688 с.
7. Мещерский, Н. А. История русского литературного языка / Н. А. Мещерский. — Л., 1981. — 280 с.
8. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. — Харьков, 1913. — 228 с.
9. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в пяти томах / А. С. Пушкин. — СПб., 1994. — Т. V. — 708 с.
10. Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка / И. И. Срезневский. — М., 2007. — 136 с.
11. Трубецкой, Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой // *Вопр. языкознания*. — 1990. — № 2. — С. 122–139.
12. Трубецкой, Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой // *Вопр. языкознания*. — 1990. — № 3. — С. 114–134.
13. Филин, Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф. П. Филин. — М., 1981. — 328 с.
14. Шахматов, А. А. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка / А. А. Шахматов // *История русской литературы до XIX в.* — М., 1916. — С. 39–64.
15. Щерба, Л. А. Избранные работы по русскому языку / Л. А. Щерба. — М., 1957. — 187 с.

Сведения об авторе

Бекасова Елена Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург, Россия. bekasova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 6 (402). Philology Sciences. Iss. 106. Pp. 18–21.

ANTHROPOMORPHOUS METAPHOR IN JUDGMENT GENESIS OF LANGUAGE

E. N. Bekasova

Orenburg state pedagogical university, Orenburg, Russia. bekasova@mail.ru

In this article are considered the features of metaphorical judgment of history and genesis of Russian caused as influence of old Slavic language on its destiny, and a phenomenon of the language inseparably linked with the person and history of the people. Complexity of formation of the Russian literary language and interaction in its system of East Slavic and South Slavic language elements defines use of anthropomorphic metaphors as in classical works, and modern works of researchers. Peculiar «ochelovecheniye» of language allows to describe all language changes and interactions with other language in human life coordinates therefore there are metaphors, through for the description of genesis, *rodoslovy*, *heritage* and *destiny*. Thus the perception is very obvious of Russian as masculine — from V. I. Dahl's *kazhennik* to N. S. Trubetskoy's *self-congestion*.

Keywords: *genesis of the Russian literary language, anthropomorphic metaphor, professional communication, professional language personality.*

References

1. Bekasova E.N. A.S. Pushkin o problemah russkogo literaturnogo yazyka [A.S. Pushkin about problems of the Russian literary language]. *XXVII Pushkinskie chteniya. 19 oktyabrya 2011 g.* [XXVII Pushkin Readings. October 19, 2011]. Moscow, 2011. Pp. 173–179. (In Russ.).
2. Boduehn de Kurteneh I.A. Nekotorye obshchie zamechaniya o yazykovedenii i yazyke [Some general comments about linguistics and language]. *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected works on general linguistics], vol. 1. Moscow, 1963. 384 p. (In Russ.).

3. Buslaev F.I. *Sochineniya F.I. Buslaeva* [F.I. Buslayev's compositions], vol. 1. St. Petersburg, 1908. 552 p. (In Russ.).
4. Gusev S.S. *Vzaimodejstvie poznavatel'nyh processov v nauchnom i tekhnicheskom tvorchestve* [Interaction of informative processes in scientific and technical creativity]. Leningrad, 1989. 127 p. (In Russ.).
5. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of living great Russian language in 4 vol.], vol. 1. Moscow, 2000. 699 p. (In Russ.).
6. Kamchatnov A.M. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka: XI — pervaya polovina XIX veka* [History of the Russian literary language: XI — the first half of the XIX century]. Moscow, 2005. 688 p. (In Russ.).
7. Meshcherskij N.A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian literary language]. Leningrad, 1981. 280 p. (In Russ.).
8. Potebnya A.A. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Harkov, 1913. 228 p. (In Russ.).
9. Pushkin A.S. *Sobranie sochinenij v pyati tomah* [Collected works in five volumes], vol. V. St. Petersburg, 1994. 708 p. (In Russ.).
10. Sreznevskij I.I. *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts of Russian history]. Moscow, 2007. 136 p. (In Russ.).
11. Trubeckoj N.S. Obshcheslavjanskij ehlement v russkoj kul'ture [All-Slavic element in the Russian culture]. *Voprosy yazykoznanija* [The issues of linguistics], 1990, no. 2, pp. 122–139. (In Russ.).
12. Trubeckoj N.S. Obshcheslavjanskij ehlement v russkoj kul'ture [All-Slavic element in the Russian culture]. *Voprosy yazykoznanija* [The Issues of Linguistics], 1990, no. 3, pp. 114–134. (In Russ.).
13. Filin F.P. *Istoki i sud'by russkogo literaturnogo yazyka* [Sources and destinies of the Russian literary language]. Moscow, 1981. 328 p. (In Russ.).
14. Shahmatov A.A. Russkij yazyk, ego osobennosti. Vopros ob obrazovanii narechij. Oчерк osnovnyh momentov razvitiya literaturnogo yazyka [Russian, its features. Question of formation of adverbs. Sketch of highlights of development of the literary language]. *Istoriya russkoj literatury do XIX v.* [History of Russian literature before the XIX century]. Moscow, 1916. Pp. 39–64. (In Russ.).
15. Shherba L.A. *Izbrannye raboti po russkomu yazyku* [Chosen works on Russian]. Moscow, 1957. 187 p. (In Russ.).